

«ЖИЗНЬ ОБЫКНОВЕННЫХ ЛЮДЕЙ»: МИХАИЛ ЛИФШИЦ И ИГОРЬ САЦ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Алексей Лагурев

В статье на основе анализа архивных материалов М.А. Лифшица и его переписки с литературоведом и философом И.А. Сацем исследуются морально-этические аспекты, характерные для представителей «течения» в советской философии 1930-х гг. Особое внимание уделяется рассмотрению стремления Лифшица и Саца найти посредствующие звенья в цепи, соединяющей слово и дело, т.е. марксистскую науку и революционную практику. Взгляд на «течение» тридцатых годов сквозь призму понимания им философских идей и общественно-политических позиций Сократа, Д. Дидро и Н.Г. Чернышевского позволяет конкретнее взглянуть на те следствия, которые это стремление имело для судьбы его участников, и прежде всего Саца, чьи письма находятся в центре внимания статьи. Благодаря обращению к материалам архива Лифшица в АРАН автор статьи прослеживает связь особенностей индивидуальной судьбы участников «течения» с их общетеоретической, марксистской позицией в вопросах этики и философии истории. Показывается, что участники «течения», отталкиваясь от диалектико-материалистического взгляда на проблему добра и зла, рассматривали ее с точки зрения развития и становления свободной самостоятельности индивида и общности. Таким образом, способствующее этому процессу в конкретных обстоятельствах времени, по их мнению, и есть то, что с этической точки зрения может быть названо добром, а препятствующее – злом. Придерживаясь исторического, марксистского понимания нравственности, Лифшиц и Сац определяли ее как сплочение самых простых, самых обыкновенных, ничем не примечательных людей силой честного, свободного товарищества.

Ключевые слова: М.А. Лифшиц, И.А. Сац, марксизм, Сократ, Н.Г. Чернышевский, Д. Дидро, философия истории, добро и зло.

Санкт-Петербургский государственный университет

The article, based on the analysis of archival materials of M.A. Lifshits and his correspondence with the literary scholar and philosopher I.A. Sats, examines the moral and ethical aspects characteristic of the representatives of the “movement” in Soviet philosophy of the 1930s. Particular attention is paid to considering the desire of Lifshits and Sats to find intermediary links in the chain connecting word and deed, i.e. Marxist science and revolutionary practice. A look at this “movement” of the thirties through the prism of its understanding of the philosophical ideas and socio-political positions of Socrates, D. Diderot and N.G. Chernyshevsky allows the author of the article to take a more specific look at the consequences that this desire had for the fate of its participants, and above all Sats, whose letters are the focus of the article. By referring to the materials of the Lifshits archive in the ARAS, the author of the article traces the connection between the peculiarities of the individual fate of the participants of the “movement” and their general theoretical, Marxist position in matters of ethics and the philosophy of history. It is shown that the participants of the “movement”, starting from the dialectical-materialistic view of the problem of good and evil, considered it from the point of view of the development and formation of free initiative of the individual and the community. Thus, what contributes to this process in the specific circumstances of the time, in their opinion, is what can be called good from an ethical point of view, and what hinders it is evil. It is concluded that, adhering to the historical, Marxist understanding of morality, both Lifshits and Sats defined it as the unification of the simplest, most ordinary, absolutely unremarkable persons by the power of honest, free comradeship.

Keywords: M.A. Lifschitz, I.A. Satz, Marxism, Socrates, N.G. Chernyshevsky, D. Diderot, philosophy of history, good and evil.

В одном из своих писем времен войны Игорь Сац, обращаясь к Михаилу Лифшицу, заметил: «Когда ты был главой “Жизни замечательных людей”, я хотел открыть конкурирующее издание – “Жизнь обыкновенных людей”» [6]. Любопытно, что это ироничное замечание следует в письме сразу же за вполне серьезным рассуждением о судьбе «течения» в предвоенные годы. В частности, Сац замечает: «Все было верно, кроме тактики. Самая большая ошибка – изложение принципов в принципиальной, теоретической форме. Надо, если будем живы, вернуться к пропаганде марксистской мысли в более популярной и менее претенциозной форме, – т.е. ничего не “заявлять”, а только рассказывать» [6].

В некотором смысле основным полем деятельности «течения» в тридцатые годы действительно была жизнь замечательных людей. Конечно, речь вовсе не идет о соответствующей серии, главным редактором которой был Лифшиц в конце тридцатых. К слову, характерно, что сочинения, выходявшие в этой серии, в одном из писем к Сацу 1940 г. были названы им «ужасающе-пошлыми» [6]. Так вот, речь вовсе не идет об этой серии, в которой, кажется, не было опубликовано ни единой работы участников «течения». Но о чем же тогда?

Если мы взглянем на главные темы «течения» в тридцатые годы, то увидим, что их изложение обыкновенно было сопряжено с анализом эстетики Г.Ф.В. Гегеля и К. Маркса, романов О. Бальзака и Л.Н. Толстого, поэзии А.С. Пушкина и В. Шекспира, взглядов Г.Э. Лессинга, И.И. Винкельмана, Д. Вико и многих других по-настоящему крупных, по-настоящему замечательных людей. Но почему же тогда Сац, рассуждая о прошедших дискуссиях, пришел к выводу, что «все было верно, кроме тактики?».

Самым очевидным ответом на этот вопрос, конечно, будет простая констатация: несмотря на все успехи в тридцатые годы, последнюю битву «течение» проиграло. После второй дискуссии, развернувшейся вокруг книги Д. Лукача «К истории реализма», журнал «Литературный критик» (пусть и без предъявления политических обвинений) был закрыт, а для участников «течения» наступило тяжелейшее десятилетие почти полного молчания, окончившееся только со смертью И.В. Сталина [3, с. 258–295].

Нельзя утверждать, что подобный ответ будет ошибочным, но вместе с тем, пожалуй, в этом замечании Саца было сказано и что-то еще, что-то большее, чем простая констатация фактически сложившегося положения вещей. Но что?

Возможно, ответить на этот вопрос нам поможет обращение к содержанию той самой, последней крупной дискуссии тридцатых годов, дискуссии о книге Лукача «К истории реализма». Противники «течения» утверждали, что писатель способен создать подлинно реалистическое произведение искусства только вопреки своим консервативным взглядам, в то время как Лифшиц, Лукач и их друзья доказывали: не только вопреки, но отчасти и благодаря своему консерватизму Софокл и Шекспир, Пушкин и Бальзак сумели создать великие художественные произведения. Помимо вопросов марксистской теории искусства, полемика эта затрагивала и более глубокие, социально-политические реалии конца тридцатых годов.

В беседе с Ласло Сиклаи Лифшиц подчеркивал: «Всякому понятно, что речь идет в данном случае о том, можно ли посредством внешней формальной коммунистической декларации своих идей и добрых намерений обеспечить себе подлинное место в ряду писателей и вообще – в более широком смысле – деятелей этого общественного исторического направления. Или здесь необходимо что-то более конкретное, что-то более безусловное, чем простая воля, декларация, форма, будь это форма, относящаяся к техническим приемам искусства, либо, в конце концов, формальные, заученные общественные программы, декларации и т.д.?» [7, с. 127].

Таким образом, полемика в конечном счете велась вокруг вопроса о том, достаточно ли просто объявить себя сторонником прогресса, демократии, коммунизма и т.п. или необходимо нечто еще, помимо выученных фраз. Достаточно ли чисто формального усвоения марксистских идей, чисто внешнего насаждения цивилизации? Нет, отвечало «течение»: «... одними лишь формальными обещаниями, одними лишь передовыми демократическими и даже коммунистическими декларациями нельзя добиться каких бы то ни было успехов в области духовного творчества» [7, с. 126]. Конечно, подобная позиция была абсолютно неприемлема для сталинского официоза, окончательно сформировавшегося к концу 1930-х гг., что и обусловило поражение Лифшица, Лукача и их друзей в дискуссии, а также последующее закрытие журнала «Литературный критик», вокруг которого и сложилось в конечном итоге «течение».

Чрезвычайно важно, что этот взгляд «течения» был тесно связан с идеей Лифшица о великих консерваторах человечества, «мыслящих революционно, но не доверяющих прогрессивному развитию, которое отрицает высокие ценности аристократической культуры, а с ними и истинные интересы большого человечества», как утверждал Лифшиц в лекции «Народность искусства и борьба классов» [10, с. 289]. Одним из великих консерваторов человечества был для него, к примеру, знаменитый афинский философ Сократ, и этот образ, обращение к которому имеет свою марксистскую традицию, был чрезвычайно важен для Лифшица именно в связи с той ролью, какую сумело сыграть «течение» в тридцатые годы.

Характерно, что на протяжении всей своей жизни, вплоть до поздних, опубликованных лишь после смерти работ, Лифшиц неизменно возвращался к образу афинского мудреца, говоря о судьбе «течения». Достаточно вспомнить его большую статью «Человек тридцатых годов», выросшую из предисловия к посмертному сборнику статей близкого к «течению» искусствоведа И.А. Ильина. Случайно ли это? Конечно, нет, а потому очень важно понять, отчего Сократ, не слишком обласканный любовью официальной советской общественной мысли тридцатых годов, стал своего рода зеркалом, отразившим нечто существенное из присущего людям той эпохи, к которым относились и Лифшиц, и Сац.

В статье памяти Игоря Ильина Лифшиц называет Сократа создателем «первой школы конкретного мышления, не доверяющего претензиям формального просвещения и внешней цивилизации» [13, с. 293]. Сравните это высказывание, к примеру, с содержанием уже упоминавшейся полемики вокруг книги Лукача или же с памфлетами Лифшица тридцатых годов «О культуре и ее пороках» и «На разные темы» (пусть

последний и не был опубликован при его жизни), где он выступает как против революционной абстракции, так и против нарождавшегося сталинского термидора.

В схожей ситуации в конце V в. до н.э. оказался и Сократ, который выступил против чисто внешнего формализма софистического просвещения и столкнулся как со «сторонниками сильной власти», так и с «демагогами, ведущими за собой толпу», поскольку «обе силы были для него порождением общественного распада, нашедшего себе отражение», подчеркивает Лифшиц, как раз у «платных учителей интеллигентности – софистов» [13, с. 93].

И именно отсюда вытекала характернейшая особенность его философской (и политической) позиции – Сократ ничего не писал. Существует множество ответов на вопрос: почему этот несомненно талантливейший человек своего времени, тот, кого сам дельфийский оракул признал мудрейшим, не оставил после себя ни единого сочинения, в то время как его куда менее одаренные современники в письменном слове видели для себя «лекарство от забвения»? Почему же, стало быть, Сократ сделал, как выразился однажды Лифшиц, цитируя Гете, ставку на ничто?

Конечно, развитие формальной культуры есть несомненный шаг вперед – и Платон, и Сократ понимали это, однако шаг вперед в области формы своей обратной стороной имеет утрату содержания: письменный текст оказывается чем-то чрезвычайно опасным – его наличие чревато развитием формального просвещения. Просвещения, результатом которого будет формирование чисто книжной, мертвой, внешней учености, культуры зазубренных формул, способной погубить живое содержание научного знания. Как разрешить это противоречие? Стоит ли отказаться от книг и попытаться вернуться в счастливое, дописьменное состояние? Нет, это невозможно. Значит, прогресс не остановить и необходимо примириться с его негативными последствиями? Ответ античной культуры был иным: альтернативой пустой книжной учености является не отказ от письменной культуры, а книжная культура иного рода. Какая же? В одной из своих последних статей «Лучше меньше, да лучше» (характерно, что именно эти слова резюмируют для Лифшица учение Сократа!), к которой также часто обращался и Лифшиц, В.И. Ленин писал: нам надо, «чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» [8, с. 391]. Наука должна войти в плоть и кровь! Нечто подобное предложила и античность: нужна особая, книжная культура, существующая в рамках постоянного общения внутри философской школы. Это была попытка создать необходимые условия для вхождения научного знания «в плоть и кровь», для превращения его в «составной элемент быта», перехода от абстрактного и формального к конкретному, содержательному.

Но соединить устное и письменное слово способно лишь нечто, охватывающее как то, так и другое – живую действительность и практическое (пусть и только лишь в рамках деятельности философской школы – но возможно ли было иное в обстоятельствах того времени?) отношение к ней [1]: вновь и вновь повторяющаяся постановка вопроса о цене каждо-

го как социального, так и теоретического завоевания. Такова и была роль Сократа, сравнившего себя когда-то с оводом, приставленным к ленивой лошади, только и ждущей момента, чтобы успокоиться и уснуть. Но ведь успокаиваться и засыпать склонны отнюдь не только лошади, но и люди, и даже целые общественные организмы. Читать им мораль бессмысленно и, что самое главное, бесполезно, ведь абстрактная моральная проповедь рискует быть столь же абстрактно, чисто формально усвоена. Все абстрактное слабо и очень легко превращается в собственную противоположность. Вот почему Лессинг в свое время, говоря о Сократе, заметил: «Прекрасные изречения и нравоучения – это именно то, что мы всего реже слышим от такого философа, как Сократ; его общественная деятельность – вот единственная мораль, которую он проповедует» [9, с. 192]. Отказ от письменного слова был той ценой, которую пришлось заплатить Сократу, не доверявшему формальному просвещению и внешней цивилизации. И цена была высока: этот, быть может, талантливейший человек своего времени, «олицетворение философии», как назвал его Маркс [15, с. 99], действительно сделал ставку на ничто. Как бесконечно легко, увенчанный дельфийским оракулом, он мог бы обрести влияние в греческом мире, заработать себе огромное состояние, подобно некоторым из куда менее одаренных софистов, примкнуть к тирании тридцати, которую возглавлял его бывший ученик Критий, или к демократической партии, пришедшей ей на смену, и закончить жизнь, быть может, первым гражданином Афин, окруженным поклонниками-учениками. И как трудно было не сделать ничего из этого – возможности влекут человека. Что же выбрал Сократ? Жизнь в нищете, бесславную гибель в тюрьме и забвение, без шансов быть услышанным после смерти. Была ли это личная черта Сократа? И да, и нет. Быть может, и само греческое чудо, столь скоротечное, осталось до известной степени только прекрасным историческим эскизом.

Но как важен оказался этот эскиз – важнее тьмы законченных эпох. И подобно тому, как человеческая история вновь и вновь стремится возродить черты своего удивительного греческого детства, так история философии постоянно воскрешает те или иные сократовские черты. Их мы встречаем, к примеру, в Мишеле Монтене, представителе столь же скоротечного чуда Возрождения. В архиве Лифшица находится записная книжка, посвященная этому французскому мыслителю. И это не удивительно, ведь Монтень также был важен в кругу Лифшица и Лукача. Характеризуя его творчество, Лифшиц отмечал, что оно имеет «эскизный, эссеистический характер целого» [4, л. 7], и эти слова можно было бы сказать и об эпохе, породившей Монтеня. Но не только Афины времен Перикла и Европа эпохи Возрождения остались великими набросками; эскизный, эссеистический характер целого – это и о 1930-х гг. XX в. в России: «Слова Лапласа “Я сказал все!”, – писал Лифшиц в уже упоминавшейся статье “Человек тридцатых годов”, – неприменимы к 30-м годам. Они сказали мало, особенно в печати. Неизмеримо больше осталось в лекциях и беседах, в обширном фольклоре этого сложного десятилетия. Многое не переиздано или никогда не было собрано, осталось в тени, окруженное лживой легендой. Нужно также принять во внимание завесу

непроходимого празднословия. Судить о тех временах на основании арифметического учета печатных источников – это значит остаться за пределами задачи» [13, с. 311].

Судьба Игоря Саца – образ общей судьбы людей тридцатых годов. Когда-то А.Т. Твардовский назвал его «мальчиком-наоборот» – не слишком удачное или даже ложное выражение, по крайней мере, если держаться формального смысла этих слов, и все же, в нем отразилась какая-то непонятность, непривычность, нечто обратное общепринятому или, скорее, ожидаемому. Вне зависимости от того, что хотел вложить в эту характеристику Твардовский, пожалуй, слова эти могли бы быть сказаны и о Сократе. Свой некролог «Памяти друга» Лифшиц начинает с утверждения, что жизнь Игоря Саца – «героическая и скромная, жизнь даровитого человека, отданная другим» [11, с. 47]. И далее он подчеркивает: «...заставить его напечатать что-нибудь под собственным именем было не так легко» [11, с. 47]. Отчего же этот талантливейший человек не оставил после своей смерти почти ничего? У нас нет архива Саца, нет ни единого сборника его статей. Он, в отличие от своего друга Дьёрдя Лукача, известен ныне только специалистам. Между прочим, в одном из писем к нему Сац с грустной иронией заметил: «Самое печальное, что с возрастом у меня не прибавляется ума. Вместо того, чтобы сочинять нечто значительное и крупное, я то составляю сборники, то перевожу, то редактирую переводы, то пишу предисловия, которыми особенно гордиться в мои годы нельзя». Откуда в нем эта сократовская черта?

В архиве Лифшица есть заметка, в которой он, размышляя о сократовских чертах мировоззрения Н.Г. Чернышевского, замечает: «Когда беседуют хорошо понимающие друг друга люди, манера говорить обратное есть род диалектической игры ума, которая лучше выделяет и подчеркивает именно то, что мы хотим сказать, а не говорим. Эта манера избавляет от догматического, безусловного изреkania определенных истин, свойственного малоразвитым людям и малоразвитым эпохам, она ослабляет действие односторонности, присущей человеческим суждениям, посредством элемента постоянно присутствующей иронии. Она устраняет спесивые, рассудочные претензии, тупое самомнение дикаря или полудикаря и ставит на место психологической агрессии разумное и гуманное утверждение нашей мысли» [14, с. 415].

Бескомпромиссная жажда конкретного, чего-то такого, что не способно обернуться собственной противоположностью, – вот та сократовская черта, что была присуща не только Чернышевскому, но и Сацу. Что стоило ему, писавшему когда-то за А.В. Луначарского, подарившему столько прекрасных идей и страниц выдающимся писателям-современникам, – что стоило такому человеку издать себе прижизненное собрание своих сочинений, обеспечить положение в обществе, славу и комфорт? Но он всего этого не сделал, сознательно выбрав «растворение» в фольклоре.

Рассуждая о судьбе Дени Дидро, Лифшиц как-то заметил: «Положение “серой эминенции” снимает часть ответственности перед самим собой!» [13, с. 196]. Это замечание отчасти приоткрывает завесу тайны, но все-таки остается вопрос: ответственность за что? За слишком поспешное сведение концов с концами там, где они не сходятся? Неслучайно Лиф-

пиц именно *non-finito*, принципиальную незавершенность, невысказанность назвал в числе характерных черт не только людей тридцатых годов, но и самого этого времени.

Сац очень хорошо знал, что свести концы с концами там, где они не сходятся в самой действительности, можно только одним путем – подменив конкретное самодвижение бытия чисто умственной абстракцией. А абстрактное, как постоянно подчеркивал Лифшиц, слабо и всегда грозит обернуться собственной противоположностью. Стало быть, за всякую абстракцию, за всякую искусственность, за всякую неполноту придется платить – она не пройдет бесследно.

Понимая, что история заложила очередной вираж, сознавая трагедию русской революции, Игорь Сац искал возможности сделать так, чтобы те фундаментальные достижения, что были ею приобретены, не остались пустой, абстрактной фразой, чтобы они вошли в плоть и кровь, превратились в составной элемент быта. А значит, нужно было найти цепь посредствующих звеньев – была ли она в самой действительности? Это очень сложный вопрос, к ответу на него Лифшиц приближался, к примеру, в своем анализе «Одного дня Ивана Денисовича» А.И. Солженицына [2, с. 307–326]. И тем не менее, в самой реальности чего-то не хватило.

Вот в чем разгадка удивительной скромности Игоря Саца, доходящей до практического самоограничения, – в поиске опосредования целого, конкретного, каковым оказались для него жизнь, прожитая, по определению Лифшица, для других, и талант, принесенный им в жертву. Но почему же именно так? В одной из своих архивных заметок Лифшиц писал: «В области нравственности, как и во всех других областях, материализм состоит не в отрицании всеобщего и безусловного, а в обосновании возможности таких поворотов обусловленного и ограниченного, которые, в отличие от эгоизма, ведут нас в мир целого. Без этой реальной основы всеобщее не существует, не существует реально, это только бледный идеал» [5, л. 127]. Помогая многим известным и неизвестным авторам, выстраивая сложные личные и общественные отношения, Сац на практике, конкретно создавал эту реальную основу: силу честного товарищества, о которой писал когда-то Ленин. Это же качество Саца отмечает и Лифшиц, подчеркивая его «талант сплочения и коллективного труда» [11, с. 47]. В одном из писем Сац отмечал: «Я рано понял, что другому человеку можно помочь, если это делаешь не для себя. И мне это стало нужно» [6].

Как известно еще со времени Сократа и Платона, добро есть та же истина, а истина есть полнота, т.е. конкретное. В архиве Лифшица сохранилась еще одна важная в этом отношении заметка, посвященная рассмотрению добра с точки зрения материализма: «В добре же самое важное именно эта субъективность объективной формы, важнее всего спешествование этому саморазвитию. Если поэтому добро близко к истине и красоте в смысле теоретичности, необходимости предоставить своему объекту свободу, не насиловать его даже навязыванием пользы, то, с другой стороны, добро отличается от них тем, что субъективное спешествование, субъективное участие нашего субъекта в этом должно быть и реально, и активно» [5, л. 13].

Но саморазвитие, самобытность, самодеятельность присущи не только отдельному человеку, но и обществу в целом. И именно становление подлинной субъективности, свободной самодеятельности человеческого рода есть тот самый угол зрения, под которым следует рассматривать всякое конкретное завоевание, всякое конкретное действие. То, что служит развитию этой свободной самодеятельности, и есть добро в каждой конкретной исторической ситуации – иногда это слово, а иногда дело, иногда это нечто идеальное, а иногда самое что ни на есть материальное. Нравственность, писал Лифшиц, есть сплочение людей – сплочение самых простых, самых обыкновенных, как будто бы ничем не примечательных людей силой честного, свободного товарищества. Это и есть «жизнь обыкновенных людей», имеющая свои преимущества перед жизнью людей замечательных, впрочем, относительное, как и всякое преимущество.

В заключение вернемся к тому письму, с которого начинали. Изложив идею «Жизни обыкновенных людей», Сац продолжает: «Мы не будем писать биографий Гегеля, Павла Федоровича, Евгении Ивановны... и про замечательных людей... А напишем 100–500–1000 кратких объективных жизнеописаний действительно виденных людей самого различного или одинакового рода... Некоторые биографии сложатся в главу, – тогда к ней можно написать коротенькое описание обстоятельств» [6]. Заканчивается же этот фрагмент следующей фразой: «А о нас умолчим» [6].

Да, после войны Игорь Сац, конечно, не основал серию «Жизнь обыкновенных людей», но он прожил жизнь обыкновенного человека и для обыкновенных людей – и прожил ее бескорыстно, утверждая собственным поведением бескорыстие как норму бесклассового общества. А вот это необыкновенно, это – марксизм, неприемлемый сегодня, как правило, для людей образованных, интеллигентных, т.е. по самой своей профессии – публичных.

Литература

Исследования

1. Алиева О.В. Философский текст в античности М.: Rosebud Publishing, 2021.
2. Арсланов В.Г. Погибло ли искусство? От Солженицына к Серебрянникову: феноменология современного духа. СПб.: Владимир Даль, 2020.
3. Арсланов В.Г. Сущее и Ничто СПб.: Наука, 2015.

Источники

4. Архив РАН. Ф. 2029. Записная книжка «Монтень. Эпоха Возрождения».
5. Архив РАН. Ф. 2029. Папка 217.
6. Архив РАН. Ф. 2029. Переписка М. Лифшица и И. Саца.
7. Беседы Мих. Лифшица с Л. Сиклаи // Лифшиц М. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. Беседы. Статьи. Выступления. М.: Искусство – XXI Век, 2012. С. 18–237.
8. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 389–406.
9. Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия. М: Academia, 1936.

10. *Лифшиц М.* Народность искусства и борьба классов // Лифшиц М. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М.: Изобразительное искусство, 1986. С. 245–292.
11. *Лифшиц М.А.* Памяти друга // Луначарский А.В. Об искусстве. В 2 т. Т. 1: Искусство на Западе. М.: Искусство, 1982. С. 47–48.
12. *Лифшиц М.* Философия культуры Дидро. Фрагменты // Эстетика Дидро и современность. М.: Изобразительное искусство, 1989. С. 295–330.
13. *Лифшиц М.* Человек тридцатых годов // Лифшиц М. В мире эстетики М.: Изобразительное искусство, 1985. С. 189–313.
14. *Лифшиц М.* Что такое классика? СПб.: Умозрение, 2023.
15. *Маркс К.* Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 50 т. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 93–113.

Lagurev, Aleksey S. “*The life of ordinary people*”: Mikhail Lifshits and Igor Sats on good and evil

References

1. Alieva, O.V. (2021), *Filosofskiy tekst v antichnosti* [Philosophical Text in Antiquity], Rosebud Publishing, Moscow (in Russian).
2. Arslanov, V.G. (2020), *Pogiblo li iskusstvo? Ot Solzhenitsyna k Serebrennikovu: fenomenologiya sovremennogo dukha* [Is Art Dead? From Solzhenitsyn to Serebrennikov: Phenomenology of Modern Spirit], Vladimir Dal, St. Petersburg (in Russian).
3. Arslanov, V.G. (2015), *Sushchee i Nichto* [Existence and Nothing], Nauka, St. Petersburg (in Russian).